

«Я родился в 1935 году. На военную службу пришел с «тюлькиного» флота: работал в аварийно-спасательном отряде Азчеррыбфлота. В Севастополе служил с 1954 по 1958 годы. После службы закончил Ростовское мореходное училище имени Седова, работал на судах дальнего плавания Камчатского и Азовского пароходств. В 1958 году встал на якорь. Сейчас работаю старшим инженером.

А теперь о деле. Учебный отряд в Севастополе я окончил с отличием в июле 1955 года и при распределении был назначен на линкор «Новороссийск». Настроение было прескверное. Я ведь так мечтал слу-

жить на миноносцах, они больше соответствовали моей натуре.

Служили тогда на флоте пять лет. Мы должны были изучить тактико-технические данные корабля, знать всех старших офицеров и примерно выполнять свои обязанности, чтобы попасть в «штат». А «штат» — это уже зарплата. Вступившие в должность получали уже не 30 рублей, как ученики-стажеры, а 90 и даже 100.

Жили мы, команда БЧ-1, вместе с матросами-музыкантами и медслужбой в носовой части линкора в районе 1-й башни главного калибра. Мне, например, чтобы залезть на мою подвесную койку, приходилось становиться на редуктор правого шпигля, а затем лежа упираться ногами в барбет 1-й башни. Под нами размещалась штурманская кладовая и первая электростанция, над головою проходила жилая палуба, где располагался дивизион живучести, еще выше шла батарейная палуба, там жили командиры, и, наконец, 1-я палуба.

По тревоге я был расписан сначала на боевом посту пеленгования, что на правом крыле ходового мостика, а потом меня перевели на пост № 5 — запасного ручного управления рулями. Это в самой корме на уровне гребных валов. Такова была наша корабельная «география».

Прослужил я на линкоре около трех месяцев — до самой катастрофы. Три раза выходил в море. Успел получить один наряд вне очереди. И очистить от накипи коллектор правого котла. В тот вечер команда смотрела фильм с весьма поучительным для меня названием «Урок жизни». Урок пошел на пользу, больше нарядов не получал. По долгу службы я ежедневно проверял часы во всех боевых постах, рубках, помещениях, поэтому знал многих офицеров не только по фамилиям, но и по их характерам. Больше всех мы, матросы, уважали командующего эскадрой контр-адмирала Петра Ивановича Уварова, человека неординарного во всех отношениях, очень живого, толкового, прошедшего войну на Черном море. Между собой мы его любовно звали Петей. На второй день после моего прибытия на корабль нас, новичков, построили на корме, к нам подошел контр-адмирал Уваров и спросил, есть ли кто из Донбасса, из его земляков. Поднялось довольно много рук. Уваров

рассказал нам, что он сам из города Артемьевска, что в юности пришлось ему батрачить, что там у него и сейчас живет сестра. Нам он очень понравился с той самой первой встречи. Был он крепким невысокого роста, бритый наголо, с по-боксерски свороченным носом. О нем ходило много легенд... Одна памятна до сих пор.

По боевой тревоге матросы должны бежать двумя потоками: в нос — по правому борту, в корму — по левому. Уваров нарочно шел против «течения». И если кто-нибудь в суматохе сбивал его (а это не просто при его массивной комплекции), того он благодарил: «Молодец. Вот так на боевой пост бежать надо!» И объявлял десять суток отпуска.

А вот командир корабля капитан 1 ранга Кухта симпатиями в команде не пользовался. Звали мы его полковник Кухта, моряку это скажет многое. Часто я его видел в ходовой рубке и всегда удивлялся невинности его речи. Другое дело — старпом, капитан 2 ранга Хуршудов. Это образец настоящего русского морского офицера. Команда его немножко побаивалась, но уважала. Его стройная, подтянутая фигура мелькала в самых разных местах корабля и казалась вездесущей. Очень мы любили и помощника командира капитана 2 ранга Зосиму Григорьевича Сербулова, человека полного отеческой доброты к матросам. Это единственный офицер, которого я помню не только по фамилии, но и по имени-отчеству.

Лет четырнадцать назад, когда моя дочь училась во 2-м классе, в сочинении «Как я провела лето» она написала: «Мы с папой были в городе-герое Севастополе, сходили к памятнику морякам, погибшим 29 октября 1955 года, положили много цветов. И папа почему-то очень плакал». Потом ее учительница дала мне почитать ту тетрадку.

28 октября 1955 года мы вышли в море на артиллерийские стрельбы, ходили на «мерную милю» в районе мыса Феолент, а затем вернулись на траверз Стрелецкой бухты, где проверяли работу дальномеров и локаторов. К вечеру пришли в базу и встали против госпиталя. На корабле объявили стирку и натянули леера для сушки белья. В увольнение я не пошел и после 18 часов заступил на вахту вместе со старшиной 2-й статьи Николаем Мельниченко: служил он по четвертому году, а я у него стажировался.

Потом к нам в штурманскую рубку пришел его земляк, наутро он должен был ехать домой в отпуск. Ночью к нам заглянули вернувшиеся с берега старшие матросы: Саша Исаев и Витя Виноградов. Оба они дослуживали четвертый год и потому со знанием дела напутствовали отпускника. Я среди них был молодой бритоголовый «салага» (тогда волосы матросам брили по третьему году службы включительно).

В 23.30 я отправился на бак проводить метеонаблюдение. Часовым у гюйса стоял Толя Чернуценко, мой приятель, бывший курсант военно-морского училища, отчисленный на корабль за какой-то проступок. Нарушая устав, мы обменялись приветствиями, а потом я, загородив его от мостика своей спиной, дал ему сделать несколько затяжек от своей сигареты (через полтора часа мощный взрыв выбросит его с бака далеко в море). Я вернулся в штурманскую рубку, записал данные погоды в журнал, понес метеосводку дежурному по кораблю — командиру нашей штурманской боевой части капитану 3 ранга Никитенко.

Следующую сводку я должен был принести в 4 часа утра. А пока я мог идти отдыхать в кубрик, но мне не хотелось лезть в духоту, ведь там не было почти никакой вентиляции, и я вернулся в штурманскую рубку. Саша Исаев и Витя Виноградов устроились спать в ходовой рубке, Коля Мельниченко лег на прокладочный стол, под голову подложил метеоприборы, отобранные для проверки в мастерской, а меня положили на диван, стоявший в углу рубки. Время было около часа ночи, и я мгновенно заснул.

До сих пор не пойму, отчего я проснулся: то ли от грохота взрыва, то ли от грохота метеоприборов, которые посыпались со стола на пол рубки. Первое, что я услышал, — это Колин приказ: «Вставай, начались учения». В рубке было темно, но через два открытых иллюминатора пробивался лунный свет. Этого было достаточно, чтобы ориентироваться. Через несколько минут к нам спустились Исаев и Виноградов, они сказали: «Ребята, взорвался корабль».

Свет дали довольно скоро, и тут же загремели колокола аварийной тревоги. Я поднялся на крыло ходового мостика и увидел вспученную разорванную палубу перед первой башней, разбросанное всюду сунувшееся белое. Кого-то несли на носилках, пере-

мазанных илом и кровью. Я бросился в рубку и рассказал все товарищам. Мы все подумали об одном и том же: всех, кто спал в нашем кубрике, наверное, уже нет в живых... Кто-то из ребят схватил телефонную трубку и набрал номер кубрика. Сигнальная лампочка горела, но никто не отвечал, должно быть, взрывом сбило телефонную трубку. Мне велели спуститься в радиорубку, она была ниже штурманской, и позвонить оттуда. Результат был тот же. Тогда Коля Мельниченко, старший по званию, сказал мне: «Я тебе не приказываю, но попытайся все же пробраться в кубрик по коридору батарейной палубы».

Я спустился по шахте фок-мачты до батарейной палубы, и на первой же переборке меня остановили — в проходах уже работали аварийные партии.

Тут надо заметить вот что: переборки в сторону носа и кормы были фактически условными, над палубой зияли такие дыры, что сквозь них спокойно пробегали крысы. Люки, что вели в жилую и батарейную палубы, обычно никогда не герметизировались, непроницаемых переборок от кили до верхней палубы практически не было, сейчас даже пассажирские суда не строят с таким корпусом.

Мне ничего не оставалось, как вернуться в рубку. Здесь я встретил весьма популярного на линкоре кинемеханика матроса Семечку. В эту ночь он стоял часовым в карцере и, когда прогремел взрыв, стал сбивать замки с запоров, выпустил всех ребят и поднялся к нам. Мы перевязали ему руку, разбитую о запор. Больше я его не видел... Тут по трансляции была дана команда: «Лотовому на лот!» Надо было измерять осадку носа и кормы. Однако лот лежал в кладовке в носу, а попасть туда никто из нас уже не мог. К счастью, отыскали в рубке лагерь (на линкоре еще пользовались забортным лагом). Ребята быстро разметили его на полуметровые отметки, подцепили груз, и с этим самодельным снаряжением я отправился на корму. К моему удивлению, там уже стоял лотовый. Это был рулевой с крейсера «Куйбышев» — невысокий худощавый паренек, служивший, видимо, по второму году. Мы познакомились и находились вместе до последнего момента, то есть до команды «Спасайся кто как может». В это время у флагштока стали собираться офицеры и несколько адмиралов, но мы среди них никого не знали, так как

видели их всех впервые. К этому времени два буксира стояли у кормы. У левого борта стоял тральщик, который освещал нас прожектором, а между липком и берегом покачивались катера частников («анечки», «манечки»). Любители острых ощущений взирали с них на происходящее.

Ни один из высших чинов не взял на себя ответственность принять в этих условиях командование кораблем. Вот где во всем блеске проявилась коллегиальность решения.

Мне было двадцать лет, но я уже знал мудрое житейское правило: всегда надо рассчитывать на худшее. Поэтому я заприметил, что за кормовой бочкой стоял на якоре «Черный принц» — так мы называли плашкоут, который отвозил с корабля отходы. В случае чего, плыть до него метров 25—30, а до берега — все 200.

Когда крен увеличился до того, что вода стала захлестывать левый парадный трап, я пролез под леерами на срез кормы. Отсюда до воды было еще очень высоко и прыгать мне показалось страшновато. Первыми полетели за борт кресла, которые зачем-то вынесли на ночь из кают-компания. Затем с правого борта сорвалась бочка с дымосмесью и пролетела мимо меня в двух-трех метрах. Тут же послышался крик человека, сбитого бочкой в воду. Мы с крейсерским рулевым успели сделать последние замеры: глубина 17 метров, высота от поверхности воды до палубы в точке флагштока 19 метров, температура воды 20°C.

Не хотел об этом писать, но буду честен до конца: в эти минуты я впервые в жизни ударил человека. Это было старшина 1-й статьи, фамилии его не знаю, он кинулся к борту с воплем: «Братцы, мы погибаем!» Я как раз оказался на его пути, и мне пришлось остановить его ударом. Он быстро успокоился, и можно было бы об этом забыть, но пришлось с ним еще встретиться.

Корабль дал резкий крен влево и на какое-то мгновение остановился как бы в раздумье. В это время по трансляции была подана команда: «Покинуть корабль! Спасаться кто как может!»

Своему временному напарнику я посоветовал сбросить бушлат и прыгать за мной в сторону Аполлоновской пристани. В такие мгновения память рабо-

тает машинально, схватывая все намертво, вплоть до мельчайших подробностей.

Первым прыгнул за борт командир 3-го артдивизиона старший лейтенант Поторочин — красивый атлетически сложенный офицер лет 25—27. Он расстегнул китель:

— Ну, пошли, братцы!

И спортивным прыжком — головой вниз — ушел в воду. Вслед за ним прыгнул какой-то полковник в морской форме. Он летел вниз ногами, подпрыгивая ими в воздухе, — и даже в эти страшные минуты нам стало смешно. Пора было прыгать и мне. Никогда в жизни я не прыгал с пятиметровой вышки — боялся. Я успел стащить с себя голландку. Все остальное осталось на мне. Ботинки почему-то сбрасывать не стал, хотя они и были без шнурков. Впрочем, плыть в них было даже хорошо. Так вот, за то время, пока я летел с 19-ти метров, мне кажется, я передумал больше, чем за всю свою прежнюю жизнь. Причем соображал еще, что нужно войти в воду так, чтобы не сломать позвоночник, чтобы не попасть под летящего следом, чтобы не уйти слишком глубоко, а главное, побыстрее отплыть от корабля. Успел пристыдиться со всеми родными и близкими...

Когда я вынырнул, рядом со мной оказался старший лейтенант. Запомнил его на всю жизнь...

Вот дальше, на мой взгляд, и началось самое страшное! До берега метров 200—250, но добрая половина моряков, прослуживших уже лет пять, не смогли не то что плыть — держаться на воде. Никто никогда не учил их плавать. Можно было бы это как-то понять, служим мы на Севере, но ведь мы же на Черном море! А нас вместо плавания заставляли в «учебке» маршировать все шесть месяцев обучения¹.

Кроме матрасов, на которых мы спали, у нас практически не было других спасательных средств. Не у всех были даже пробковые пояса и жилеты, хотя на малых кораблях ими снабжали нормально.

¹ Здесь В. П. Лань прав лишь отчасти, так как именно на «Новороссийске», благодаря стараниям старшего помощника командира капитана 2 ранга Г. А. Хуршудова, была изготовлена купальная сеть, в которой и учили плавать матросов. К сожалению, сеть эта была достопримечательностью лишь одного «Новороссийска». Да и пользовались ею не часто.

Вокруг творилось невообразимое. Вода кишела людьми. Справа — бил прожектор с тральщика, сзади — все еще опрокидывалась машина линкора, и от нее прочь на полных оборотах разлетались «анечки» и «манечки» частиков. При этом они неслись по головам, калеча людей своими винтами. Стоял крик: кто слал им проклятия, кто зывал о помощи.

Я не чувствовал страха. Мною овладело какое-то хмельное удалство. Мне казалось, что все происходящее вокруг — либо злая шутка, либо нелепое ученье.

Первыми пришли нам на помощь шлюпки с соседних кораблей. Тому, кто плыл, бросали пояса, а кто беспомощно барахтался, тех сразу втаскивали на борт. Мне тоже кинули пояс. Я сразу почувствовал себя уверенней и даже смог оглянуться.

Корабль с горящими огнями медленно уходил в воду. Корма, хорошо освещенная прожекторами, вздымалась высоко, и огромные гребные винты медленно вращались.

Рядом со мной кто-то шумно вынырнул. Видно было — пловец нелегкий. Я дал ему свой пояс.

— Доплывешь?

— Доплыву...

И мы поплыли к берегу. Вода была довольно теплая. Плылось легко. На госпитальном пирсе толпились люди, мне помогли выбраться на берег. Я вылил воду из ботинок. «Новороссийск» лежал вверх килем. И вот тут-то меня стало трясти: то ли от холода, то ли от перевозбуждения. Кто-то накинул мне на плечи халат и помог идти к рыбацкой мазанке вблизи Аполлоновой пристани. Она была битком набита спасенными моряками, тем не менее мне обрадовались.

— О, рулевой — живой! Молодец, входи...

Кажется, это были ребята из бодкоманды, то ли с крейсера «Куйбышев», то ли со «Славы». Крепкие парни, они пришли на помощь со своими аварийными партиями. Двое из них были с отпущенными волосами — «годками». Запомнили они меня по той стычке со старшиной 1-й статьи. Я им пришелся по душе.

Хозяйка дома, худенькая женщина лет пятидесяти, достала все свои запасы сахара, поставила чай, выложила яблоки. За разговором выяснилось, что родом она с Кубани, а мужа зарубили в гражданскую белоказаки.

Подошли еще несколько моряков, кто-то принес сухую одежду. Мне достался большой китель и кальсоны, кому-то — халат, кому-то — тельник. Теперь закурить бы! Сигареты и табак, у кого они были, размокли. Выход нашли сразу, выгребли все в алюминиевую миску и быстро высушили на плите. Через четверть часа пришлось распахнуть дверь — дыму не продохнуть!

Среди нас был один пожилой, по нашим понятиям, моряк. Он попросил меня растереть спину. Я стал разминать ему мышцы, а когда нагнулся к нему, он увидел мое лицо и воскликнул:

— Так это ты дал мне спасательный пояс?!

Это был командир БЧ-5 (инженер-механик) крейсера «Куйбышев» капитан 2 ранга Мухин. Он тут же написал мне свой адрес (жил он на той стороне — в «Голландии», возле Инженерного училища), просил заходить в гости.

Ему тогда было ровно столько, сколько и моему отцу, — 42 года. Когда Мухин вынырнул из воды, кто-то упал на него сверху, оба пошли ко дну. Но Мухин собрал все силы и выплыл на поверхность рядом со мной.

Берег Аполлоновой бухты, куда мы все выбирались, вскоре был оцеплен охраной из солдат. К нашему домику подошел полковник в морской форме. Мухин попросил у него закурить. Тот вынул коробку «Северной Пальмиры» и протянул ее нам. Мы глазам своим не поверили — то был сам комендант Севастопольского гарнизона, гроза моряков полковник Голубь. Но в то утро мы его не боялись, и папиросы из дорогой коробки быстро исчезли.

Рассвело. После всего пережитого страшно захотелось есть. На поиски съестного решили отправить меня, дополнив мой престранный костюм парой галош. Я поднялся к госпиталю и увидел девушку, которая несла поднос с хлебом и маслом и еще держала в руке чайник. Все это она мне отдала, попросив лишь вернуть поднос. На обратном пути натолкнулся на земляка — Витю Пазюру. Голова у него была перевязана, лицо распухло. Он помог отнести поднос в домик, а по дороге рассказал, что наш земляк был рядом с ним, а потом решил сбегать в кубрик за бушлатом. Едва он скрылся в люке, как корабль по-

валился на борт. Больше его никто не видел. Женья погиб.

Виктора же после прыжка в воду затянуло под борт, и он уже стал прощаться с жизнью, как вдруг услышал какой-то звон и в то же мгновение оказался на поверхности. Его выбросил воздушный пузырь, вырвавшийся из корпуса.

Встретил я и своего командира, старшего штурмана капитана 3 ранга Михаила Романовича Никитенко. Вопреки всем уставам, он обнял меня, а потом стал расспрашивать, кого я видел из наших.

— Мельниченко, Исаева, Виноградова, — перечислял я. — Но это было еще на корабле.

— Исаев и Виноградов здесь. А Мельниченко нет. Идем поищем его.

И мы пошли в морг. До сих пор не могу слышать это слово без содрогания.

Первым, кого мы увидели, — подполковника медицинской службы Романова. Лицо его было черным, но не обгорелым... Затем, в немыслимой позе, — белобрысый старший лейтенант-интендант. Он как будто хотел снять с себя китель, да так и застыл.

На полу в ряд лежали матросы. Из них я узнал лишь одного — своего годка радиометриста Амбарцумяна. Одной рукой он как бы рвал на себе голландку, — а другой — расстегивал пояс брюк...

После обеда нас собрали в госпитале и сводили в баню. Выдали новую одежду, а старую отправили в Учебный отряд. Там же, в школе оружия, разместили и нас. Это было то самое здание, где в 16-м году вот так же собрали остатки экипажа с линкора «Императрица Мария», чью горькую участь повторил «Новороссийск».

Не передать, с какой радостью обнял я своих ребят — Витю Виноградова и Сашу Исаева... Если до сих пор мы были лишь сослуживцами, разделенными годами набора (я — первогодок, а они почти «дембеля»), то отныне мы всюду держались вместе, даже койки сдвинули рядом.

Здесь я встретился с тем парнем, которого мы собирались провожать в отпуск 29 октября. Его боевой пост находился на марсовой площадке грот-мачты. И сидя там, на огромной верхотуре, он прощался со всем белым светом, так как совсем не держался на

воде. Но случилось так, что, когда мачта ударилась о воду, его бросило к берегу, как из пращи, и он плюхнулся прямо у борта отходившего барказа. Его тут же подняли.

В тот вечер после ужина случилась еще одна встреча, менее приятная: я увидел того самого паникера. Он уже был в форменке со старшинскими «лычками» и к тому же при должности: разливал из чайника спирт. Я сказал ребятам: «Уж кому-кому, а мне наверняка не достанется». И рассказал, как все было. Но спирту он мне все же налил, и даже, как мне показалось, чуть больше нормы. Узнал ли он меня? Не знаю. Я же потом фамилию его разузнал, да запомнил нетвердо: то ли Лившиц, то ли Рабинович. Его должны многие помнить, он там в первый день спирт из чайника один разливал.

Потом к нам пришли Главнокомандующий ВМФ Николай Герасимович Кузнецов и Председатель правительственной комиссии В. А. Малышев. Нас всех построили на втором этаже, и мы приветствовали их как положено. После всяких расспросов и вопросов мы попросили показать нам тех ребят, что сумели спастись из опрокинутого корабля. Они вышли из строя. Их было семеро, двое из них совершенно седые.

— Ну вот, — обратился к ним Кузнецов. — Теперь вы бывалые моряки. Может, останетесь на сверхсрочную?

Но ребята в один голос попросили отпустить их домой.

В Учебном отряде мы прожили неделю. И каждую ночь мне выпадало тяжкое испытание: меня вместе с представителями от других боевых частей возили на опознание тел погибших моряков. В тех подразделениях, где было много ребят, там менялись, а в нашей малочисленной штурманской БЧ я был бессменным.

Там, на Инженерной, стояло длинное складское помещение. Под потолком были вывешены флаги расщепчивания, а на полу, густо посыпанном хлоркой, лежала очередная партия поднятых со дна тел. Если в первые дни было еще терпимо, то к концу недели трупы являли собой жуткое зрелище... Все они были раздеты донага, чтобы были видны приметы, наколки... Если опознавали, записывали фамилию, нет —

ставили просто номер, заворачивали каждого в две простыни и клали в отдельный гроб. Матросам на крышку прибавляли бескозырку, офицерам — фуражку, крепили кортики, после чего солдаты грузили гробы на машины и отвозили на Братское кладбище.

Вот здесь, на третью ночь, я и нашел своего командира старшину 2-й статьи Николая Мельниченко. Его еще легко можно было узнать. В левой руке он сжимал секундомер. Каблук на правом ботинке оторван. Должно быть, где-то зажало ногу. Я попросил похоронщиков, чтобы секундомер ему оставили. Так с ним и похоронили...

Утром мы возвращались в казарму, и кто хотел — не запрещалось — покупал по дороге бутылку водки. Деньги у нас были — выдали подъемные... К завтраку нам, опознавателям, выдавали по стакану спирта и до вечера не тревожили. А ночью — опять на Инженерную.

Командир наш, Никитенко, при всей своей загруженности, всегда находил минуту побыть вместе с нами. Он спросил меня, где я хочу служить оставшиеся годы. И я попросился на корабли своей мечты — на эсминцы. Так до октября 1958 года я и дослужил рулевым на эсминце «Беззаветный»...

5 октября 1955 года. БЧ-1

Первый ряд, слева-направо:

1. Павлюк Любомир Владимирович, ст. 2 статьи (погиб), г. Коломыя
2. Евсеев – мичман (демоб.05.10.1955)
3. Никитенко Михаил Романович, кап. 3 ранга, командир БЧ-1
4. Ганчев (демоб. в октябре 1955)
5. Черныш Николай Степанович, ст. 1 статьи (погиб), Запорожская обл.

Второй ряд:

1. Шокат Василий Афанасьевич, матрос, переведен в БК (погиб), Молдавия
2. Черноусов Альберт Анатольевич, ст. 2 статьи (погиб), Волгоградская обл.
3. Виноградов Анатолий Васильевич, ст. матрос
4. Хлуднев Василий Константинович, матрос (погиб), Алтайский край
5. Исаев Александр Михайлович, ст. матрос
6. Чеверда Евгений Владимирович, ст. матрос (погиб), Stanisлавская обл.
7. Кудренко Владимир Ионович, матрос (погиб), Краснодарский край

Третий ряд:

1. Романенко Николай Андреевич, матрос (погиб), Донецкая обл.
2. Пухтинский Виктор Александрович, матрос (погиб), Сталинградская обл.
3. Лэнь Василий Петрович, матрос
4. Сытник Юрий Карпович, матрос (погиб), Полтавская обл.
5. Ткаченко Иван Петрович, матрос (погиб), Николаевская обл.
6. Скрыпник Константин Гаврилович, матрос (погиб), Черновецкая обл.